

Т.Э. ПЕТРОВА

**СТУДЕНЧЕСТВО НАЧАЛА XX ВЕКА
КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА**

Существование амбивалентных моделей функционирования российского высшего образования в начале и конце XX в. накладывает отпечаток на особенности воспроизводства социокультурной общности студенчества. Обращение к историческим истокам этой традиции помогает уяснить не только основные детерминанты, но и прогнозировать наиболее значительные последствия описываемого процесса.

Проблемам российского студенчества в XVIII-XX вв. посвящено множество работ представителей различных отраслей социогуманитарного знания, в первую очередь историков. Однако фактический материал, представленный в них, не складывается в целостную картину, он иллюстративен, посвящен студенческому движению, в первую очередь, работе большевиков среди учащихся, информирует о политических ориентациях учащейся молодежи, прежде всего социал-демократических.

На рубеже XIX-XX вв. Россия значительно отставала от Европы и САСШ как по количеству вузов, так и по показателям охвата населения высшим образованием. Рост численности студенческих контингентов определялся растущим интересом общества к развитию технического образования, революционными переменами 1905-07 гг., после - приростом неправительственного сектора российской высшей школы. Сословный состав российского студенчества демократизировался. Начиная с 1905 г., ускоренно возникали неправительственные вузы как общественные (филантропические), так и частные (коммерческие) учебные заведения. Основу их контингента составляли женщины, выпускники зачастую не приравнивались к дипломированным специалистам. Выход студенчества на арену российской общественной жизни неизбежно привлек к нему внимание исследователей.

К этому времени завершился процесс институционализации статистики как самостоятельной отрасли науки. Многие исследователи (З.Т. Голенкова, В.А. Мансуров, И.А. Голосенко, В.В. Козловский) признают, что эмпирические основания социологии и на Западе и в России вызревали в недрах статистики. Уникальность развития эмпирической социологии в недрах статистики в дореволюционной России состояла в том, что значительную роль в этом процессе

Исследование осуществлено при поддержке РГНФ № 96-03-04477, межвузовской научной программы "Университеты России - фундаментальные исследования" № 1452.

играла общественная инициатива - наряду с государственной функционировала земская статистика, изучавшая имущественное положение и хозяйственную деятельность, социальную структуру населения, его жизненные условия, образование, культуру во многих российских регионах (к началу XX в. систематические обследования велись в 17 губерниях). Начинание земских статистиков подхватили и расширили журналисты, ученые, учителя, врачи, экономисты, инженеры, включившиеся в проведение эмпирических исследований. Возник своеобразный анкетный бум. Публикации отчетов об итогах эмпирических исследований в социологических журналах, составляя в 1900-1909 гг. $\frac{1}{8}$ часть всех социологических сюжетов, в дальнейшем заполнили их на четверть.

Поскольку немалую долю этих публикаций составили отчеты о проведении так называемых студенческих самопереписей, автор относит именно к этому периоду зарождения социологии российского студенчества. Студенческие самопереписи - это специальные статистико-социологические обследования студентов, которые проводились с целью изучения положения студентов при помощи массовых фактических данных. Как правило, самопереписи осуществлялись самими студентами по инициативе и под руководством преподавателей. В некоторых случаях самопереписи проводились студентами самостоятельно.

Анализ справочно-библиографических изданий и каталогов Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России, дореволюционной студенческой периодической печати, мемуарной литературы, фондов центральных, региональных и вузовских архивов позволил установить, что за период с 1872 г. по 1917 г. было проведено 65 студенческих самопереписей в различных российских вузах, причем 15 материалов самопереписей изданы в виде брошюр, 35 - в виде фрагментов в периодической печати, остальные известны только по упоминаниям. Лишь немногие из 15 полностью опубликованных аналитических отчетов об итогах проведения студенческих самопереписей 1872-1917 гг. введены в научный социологический оборот. Они послужили основным источником информации об особенностях развития социологии российского студенчества на дореволюционном этапе ее развития. Это отчеты о самопереписях 1872 г. в Киевском университете под руководством проф. Н.Х. Бунге, 1892-93 гг. в московских вузах среди членов землячеств под руководством деятелей "Союзного совета землячеств", 1898 г. в Варшавском университете под руководством студента Ковальского, 1901 г. в Томском университете и Томском технологическом институте под руководством проф. М.Н. Соболева, 1903 г. в С.-Петербургском технологическом институте под руководством докт. Д.П. Никольского, 1903 г. в Одесском университете под руководством СИ. Бирона, 1904 г. в Московском сельскохозяйственном институте под руководством проф. А.Ф. Фортунатова и проф. Н.А. Карышева, 1903 г. в Московском университете под руководством прив.-доц. М.А. Членова и Г.П. Россоломо, 1907 г. в московских вузах под руководством проф. Н.А. Каблукова, 1907 г. в Юрьевском университете под руководством проф. В.В. Святловского, 1909 г. в Харьковском университете, Харьковском ветеринарном институте и на Высших женских курсах (ВЖК) под руководством проф. В.Ф. Левитского и А.Н. Анциферова, 1909 г. на С.-Петербургских (Бестужевских) ВЖК под руководством проф. А.А. Кауфмана, 1909 г. в С.-Петербургском технологическом институте под руководством докт. Д.П. Никольского, 1910 г. в Варшавском университете по инициативе редакции газеты "Утро Варшавы", 1912 г. в петербургских вузах под руководством проф. Е.П. Радина, 1913 г. в Томском университете, Томском технологическом институте и на ВЖК.

Важная роль в становлении социологии российского студенчества на начальном этапе ее развития принадлежала как ведомственной, так и общественной инициативе. Можно говорить о том, что на дореволюционном этапе развития социологии российского студенчества уже выделяются различные по своему характеру направления ее исследований - ведомственное и корпоративное при полном отсутствии академического (по словам В.В. Святловского, "академия почти безмолвствует...") [1, с. 39].

В определенной зависимости от характера предпринимаемого исследования (ведомственного или корпоративного) находится его масштаб: проиницированная преподавателями перепись осуществляется, как правило, в моновузовском режиме, тогда как зародившееся в недрах общественной организации исследование зачастую приобретает черты регионального или межрегионального.

Выбор проблематики исследований оказывается детерминирован целым комплексом факторов, таких как состояние объекта исследования (как на самом раннем этапе, когда превалировала экономизированная, материально-бытовая проблематика), научные интересы автора ("половая" самоперепись в Московском университете в 1905 г., "квартирная" в вузах Москвы в 1907 г.), после же 1905 г. в силу усложнения как самого объекта исследования, так и

арсенала социологической методологии доминирующими становятся комплексные по своей тематике самопереписи.

На начальном этапе социология российского студенчества функционировала преимущественно как одна из отраслей эмпирической социологии. Во многом в связи с этим в основе методологии проводимых эмпирических исследований проблем студенчества находился метод, называемый К.М. Тахтаревым статистико-социологическим [2, с. 15]. Практически все самопереписи производились с использованием метода "самосчисления", подобия современного раздаточного анкетирования, как правило, анонимно, хотя многие из организаторов исследований отчетливо осознавали как преимущества, так и недостатки этого способа.

К концу рассматриваемого периода становления социологии российского студенчества развернулась полемика между сторонниками и противниками психологизации опросников, приверженцами массовых и "монографических" опросов: так, Е.П. Радин утверждает, что весь смысл анкеты не в статистической точности, а в психологической цели, которую она себе ставит [3, с. 2-3], а А.А. Кауфман возражает, что вопросы об отношении к Богу, к людям, к жизни вообще и т.п. почти не поддаются статистическому учету, а если и бывают попытки их усчитать, то научное значение полученных выводов будет более чем сомнительным, по причине философского содержания этих вопросов, трудности определения границ и неясности их содержания [4, с. 109], в чем мы видим зарождение противостояния между количественными и качественными исследованиями.

Бытование термина "самоперепись" применительно к эмпирическим исследованиям проблем студенчества указывает на установку их организаторов проводить сплошные обследования. Однако вследствие практической неосуществимости этих устремлений на деле производились малорепрезентативные опросы на случайной выборке. Следовательно, перед эмпирической социологией студенчества, как и перед всей социологической наукой, остро стояла проблема конструирования выборочных процедур: труды земского статистика А.И. Чупрова и сегодня высоко ценятся в качестве важного компонента мировой теории выборочного метода.

При обобщении и анализе собранной социальной информации исследователями в рассматриваемый период широко использовались способы обработки материала, апробированные земской статистикой (простые и перечневые, группировочные и комбинационные таблицы), и для интерпретации ответов на открытые вопросы - приемы того, что мы сегодня называем контент-анализом.

По мере накопления "критической массы" социальной информации о проблемах студенчества стало возможным использовать приемы вторичного анализа для сопоставления полученных данных с целью выявления показателей их динамики.

Осознавая неизбежные ограничения, накладываемые различиями в целях, методах, инструментарии эмпирических социологических исследований российского студенчества, проводимых в разных регионах в разное время, многие из их организаторов высказывали предложения не только о том, что для общности выводов необходимо производство аналитической анкеты, по возможности, во всех вузах, но и о том, чтобы впредь устраивалось регулярное производство переписей (через 5 лет), т.е. создаются организационно-методические условия проведения лонгитюдных исследований мониторингового характера.

Интерпретация обобщенных данных эмпирических исследований в рассматриваемый период осуществлялась преимущественно с использованием подходов генетической социологии. При этом подчеркивались, с одной стороны, неразрывная связь представителей социальной общности студенчества с теми социальными слоями, выходцами из которых они являются, решающее воздействие на их духовный облик семьи, школы, социального окружения, с другой стороны, сращивание их внешнего и внутреннего облика со спецификой, присущей интеллигенции, - тому слою, в который они вольются по окончании обучения. Ясного представления о социокультурной сущности общности российского студенчества как самостоятельного субъекта социальной жизни общества, направленности изменений, происходящих с личностью в связи с приобретением студенческого статуса, нормативно-ценностном комплексе, обеспечивающем внутреннее единство социокультурной общности студенчества, в этот период развития социологии российского студенчества достичь еще не удалось.

Среди важнейших черт социокультурного облика российского студенчества в дореволюционную эпоху (1890-1910-е гг.) можно выделить следующие: фиксированное возрастное соотношение между представителями различных профессиональных отрядов студенчеству вследствие жесткой взаимоувязанности типов довузовского и вузовского образования; большая привилегированность социального состава универсантов и аграрников, большой его демократизм - у технологов и курсисток; в среде универсантов и курсисток преобладает прагматическая образовательно-профессиональная ориентация; независимо от специфики вуза

один из двух студентов, как правило, имеет личный заработок, тратит на это не менее 3 часов в день, используя и летнее, и зимнее время, причем количество работающих студентов растет к середине обучения и падает к его концу; универсанты зарабатывают преимущественно квалифицированным творческим трудом, технологи применяют специальные знания, курсистки выполняют литературную работу, юристы имеют больший доход, чем гуманитарии; каждый второй студент имеет расстроенное здоровье, более половины употребляют никотин и алкоголь; двое из трех студентов осознают свою принадлежность к различным общественно-политическим движениям, их умами владеют Л. Толстой, К. Маркс, Ч. Дарвин, Д. Писарев, Н. Михайловский; студенчество отличается отзывчивость, восприимчивость, вдумчивость отношения к динамично изменяющейся социальной ситуации в России.

Первая мировая война. Октябрьская революция и гражданская война нанесли огромный урон высшему образованию в России. Гибель и добровольная эмиграция работников науки и высшей школы, дополнившаяся принудительной высылкой неблагонадежных специалистов в различных областях знания, усугубили резкое падение воспроизводства кадров высшей квалификации. Реорганизация старой и строительство новой высшей школы велись на принципах ликвидации сословности высшей школы и подчинения ее Советской власти, демократизации работы вузов, изменения социального состава студенчества за счет представителей рабочего класса и крестьянства, перестройки процесса на основе марксистско-ленинской методологии, ликвидации разрыва между теоретическим обучением и практикой, максимального приближения подготовки специалистов и научной работы вузов к нуждам социалистического строительства. Отменялись вступительные испытания, оплата за обучение, были установлены государственные стипендии студентам. За период 1918-19 гг. количество студентов в вузах РСФСР удвоилось. Сложнейшей была проблема слабой подготовки едва ли не большинства студентов из рабочих и крестьян, поступивших на учебу с учетом декретированных льгот. В рассматриваемый период подавляющее большинство взрослых рабочих и крестьян, а также основная масса их детей могла поступить в вузы только через рабфаки. По данным переписи 1939 г., помимо вузовских центров, имевшихся в царской России, новые вузы были открыты в 76 городах РСФСР. В 1925 г. Наркомпрос определил, что цифра в 110 тыс. студентов в РСФСР должна быть признана нормальной и обеспечивающей ежегодно хотя бы минимальный выпуск квалифицированных специалистов [5, ч. 2, с. 85]. Система регулирования приема в вузы по классовому принципу существовала до 1936 г. С 1922 по 1927 гг. в составе студенческого контингента российских вузов доля рабочих и их детей увеличилась вдвое и достигла 34,2%, доля крестьян и их детей составляла 24,3%, трудовой интеллигенции и совслужащих - 41 %.

В первые два десятилетия Советской власти развитие социологии студенчества шло как бы по инерции. Эмпирические исследования развивались очень активно, ассоциируясь больше со статистикой и доставляя сведения о различных аспектах состояния общества в эпоху глобальных социальных сдвигов. Молодежь оказалась в эпицентре внимания исследователей (по подсчетам Ю.Р. Вишневого и В.Т. Шапка, за этот период ей было посвящено более 300 научных публикаций) [6, с. 63] в связи с тем, что ее повышенный уровень грамотности позволял более эффективно проводить опросы, а также вследствие обостренного интереса к особенностям социального облика первого поколения советских людей. Особое внимание привлекали образовательные проблемы молодежи, социализирующейся в условиях перехода к массовому профессиональному образованию.

Анализ публикаций в научной и периодической печати 1920-х гг. в фондах Российской государственной библиотеки и Государственной публичной исторической библиотеки России позволил зафиксировать, что в рассматриваемый период было проведено более десяти эмпирических социологических исследований российского студенчества (в 1922 г. в Московском Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова под руководством И. Гельмана, в 1923 г. в Пермском университете под руководством проф. М.И. Альтшулера, в 1925 г. в Вятском педагогическом институте им. В.И. Ленина под руководством В.А. Танаевского, в 1925 г. в Московской Тимирязевской сельскохозяйственной академии под руководством А. Васильева, в 1926 г. во 2-м МГУ под руководством М. Семенова, в 1926 г. в 14 вузах 6 регионов страны силами ЦСУ по инициативе Главпрофобра, в 1926 г. в московских вузах под руководством К.Х. Кекчеева, в 1926/27 уч.г. в Кубанском педагогическом институте под руководством Н.П. Маркова, в 1927 г. в десяти одесских вузах под руководством Д.И. Ласса, в 1927 г. в московских вузах и техникумах под руководством проф. М.М. Рубинштейна).

Как видно, на послереволюционном этапе своего развития социология российского студенчества продолжает функционировать как отрасль эмпирической социологии. Выбор исследуемых проблем в этот период существенно прагматизируется и утилизируется: боль-

шинство проведенных в это время эмпирических исследований проблем российского студенчества - это исследования их бюджетов времени, которые исходят прежде всего из практических целей улучшения использования ими времени работы и отдыха. Также наблюдается значительная идеологизация тематики исследований: так, Д.И. Ласс, предпринимая в 1927 г. исследование быта, половой жизни и половой идеологии одесского студенчества, исходил из того, что сексуальность в буржуазном и пролетарском государствах питается неодинаковыми корнями [7, с. 6].

Значительно изменяется соотношение между различными по своему характеру направлениями развития социологии российского студенчества на этом этапе: крепнет ведомственное, слабеет корпоративное, громче заявляет о себе академическое (в лице, например, Педагогического Отдела Научно-Педагогического Института Методов Школьной работы). Усиление ведомственного начала в проведении эмпирических социологических исследований российского студенчества привело к выходу их за рамки одного региона и появлению межрегиональных сравнительных исследований.

Интенсивность исследований бюджетов времени студенческой молодежи в 1920-е гг. объясняется как ее подготовленностью к участию в такого рода исследованиях, так и необходимостью фиксации инноваций в процессах воспроизводства социокультурной общности российского студенчества в первое Советское десятилетие. Основным условием успешности этих исследований предстает активное участие в них самих студентов: пример двух рядовых слушательниц Московского педтехникума им. Профинтерна, которые занимались учетом своего времени в общей сложности около года, убеждает в том, что студентам посильна не только работа по учету своего времени, но и анализ и интерпретация ее результатов.

В этот период весьма остро стоит вопрос о принципах осуществления выборочных процедур в целях обеспечения надежности результатов исследования, рассматриваясь одновременно в двух плоскостях - принципы отбора временных отрезков для фиксации расхода времени и принципы отбора респондентов. Анализ убеждает в том, что в описываемый период наиболее распространенным типом выборки был типологический отбор респондентов по наиболее характерным для данного объекта признакам.

При разработке номенклатуры видов деятельности организаторы исследований творчески заимствовали уже имеющиеся разработки С.Г. Струмилина, А.К. Гастева, П.М. Керженцева и др., что облегчало сопоставление результатов моно- и межвузовских исследований, осуществляемых в разное время в различных регионах, однако, подобно своим дореволюционным предшественникам, и они продолжали мечтать об исследованиях бюджета времени студентов в мониторинговом режиме.

Эти исследования породили сложный комплекс методов сбора социальной информации: своеобразное сочетание самонаблюдения, ретроспекции и различных модификаций метода опроса - от самосчисления (анкетирования) до экспедиционного варианта опроса (формализованного интервью).

При анализе собранной социальной информации чаще всего используются методы корреляционного и факторного анализа, но все чаще звучат призывы к использованию в этих целях качественных методов.

Интерпретация обобщенных данных исследований ведется преимущественно в русле марксистской методологии, тогда как во французской и американской социологических традициях в это время в применении к подобного рода исследованиям доминирует структурный функционализм (восходящий к Э. Дюркгейму, Т. Парсонсу, Р. Мертону).

Одновременно с изучением студенческих бюджетов времени в рассматриваемый период продолжают совершенствоваться как количественные, так и качественные методы исследования проблем студенчества. Опросы проводятся в основном в форме группового анкетирования, обобщение их результатов производится при помощи методов не только корреляционного и факторного, но и кластерного анализа, а их интерпретация зиждется на положениях генетической социологии.

Проф. М.М. Рубинштейн, исследуя переживания молодых людей в период перехода от отрочества к юности, апробировал оригинальное сочетание двух качественных методов - дневникового (восходящего к Ш. Бюлер) и автобиографических записей, при обработке полученных эмпирических данных им использовались подходы контент-анализа и типологического анализа.

Данные анализируемых эмпирических исследований подтверждают, что на протяжении всего первого советского десятилетия механизм воспроизводства социокультурной общности российского студенчества находился в состоянии далеком от стабильности. Все исследователи сходятся в том, что студенчеству живется нелегко. Студенты не только страдают от не-

досыпания, но спят очень нерегулярно. На рассматриваемом этапе определились основные оси дифференциации студенчества по различным основаниям: возрастным, курсовым, гендерным, социальным, семейным, партийным, которые проявляются в отношении к стационарным академическим занятиям, учебной работе на дому, общественной работе. Последняя стала основной мишенью для критики большинства исследователей: по отношению к бюджетам времени рабочих и крестьян у студентов перевес расходов на общественную работу и недобор по части отдыха, вследствие чего особенно партийные студенты медленно, но верно отстают в учебе. Работа ради заработка является неотъемлемой частью образа жизни студенчества, это особенно верно по отношению к женщинам, семейным, беспартийным, которые затрачивают на нее в среднем более трех часов в день. Весьма мало времени уделяют студенты уходу за собой, большинство знает о физической культуре лишь понаслышке, с отдыхом у них дело обстоит не лучше. Питание студентов недостаточно по количеству приемов пищи и особенно плохо в смысле регулярности. Каждый третий отличается слабостью здоровья, в массе своей студенты характеризуются неустойчивой психикой, регулярно употребляют алкоголь, никотин, наркотики. Информация об особенностях внутреннего мира студенчества весьма скудна: большинство стремится к качественному образованию, интересуется научной и художественной литературой, ценит дружеское общение, любовь, считает себя скорее мечтателями, идеалистами, чем прагматиками.

Подобно рассматриваемой эпохе развитие социологии российского студенчества на ее послереволюционном этапе (1920-е гг.) носит противоречивый, инновационный характер. Многие ее основы перерождаются в унисон с процессом "пролетаризации" студенчества. Значительная дифференциация студенческих контингентов, заметные межпоколенные различия побудили к замене сплошных обследований обучающихся в российских вузах на исследования с использованием типологической выборки. Тяжелые условия существования студенчества, неотрегулированность его повседневной жизнедеятельности стимулировали развитие социологии студенчества преимущественно в эмпирическом русле. Установление тотального государственного контроля за процессами, идущими в высшей школе, придали проводимым исследованиям прикладной и идеологизированный характер. Усиление ведомственности в организации и проведении научных исследований, диктата академических учреждений вели к унификации исследовательских приемов, что неизбежно вызывало нивелирование авторской индивидуальности исследователей, затухание общественной инициативы. К концу 1920-х гг. идеологический контроль в сфере науки усилился, что привело к фактическому прекращению развития социологии образования и студенчества, на что повлияли и развернувшиеся с 1931 г. политические разоблачения "меньшевистско-идеалистического эклектизма" педологов, закрытие в октябре 1934 г. 29 научно-исследовательских педологических учреждений, журнала "Психотехника", Постановления ЦК ВКП(б) "О педологических извращениях в системе народного образования" (1936 г.).

Современный этап развития социологии российского студенчества принес ей качественно новый сдвиг в продолжении отечественной традиции исследования проблем студенчества - из отрасли преимущественно эмпирической ориентации благодаря наращиванию методологической рефлексии она приобретает и теоретическую составляющую, превращаясь, таким образом, в полноправную специальную социологическую теорию. Анализ свидетельствует, что для 1970-80-х гг. характерно доминирование структурно-функциональной и конфликтологической парадигм, в 1990-е гг. - социокультурного подхода в методологических установках исследователей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кауфман А.Л.* Статистическая наука в России. Теория и методология. 1806-1917. Ист.-крит. очерк. М., 1922.
2. *Тахтарев К.М.* Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг., 1917.
3. *Родин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным петербургской общестуденческой анкеты 1912 г. СПб., 1913.
4. Слушательницы С.-Петербургских Высших женских (Бестужевских) курсов (по данным переписи-анкеты, выпущенной статистическим семинарием в 1909 г.). СПб., 1912.
5. Культурное строительство в РСФСР. 1917-27 гг. Т. I. Ч. I. Док-ты и м-лы 1917-1920 гг. М, 1983. Ч. 2. Док-ты и м-лы 1921-1927 гг. М., 1984.
6. *Вишневецкий Ю.Р., Шапко В.Т.* Социология молодежи. Н.Тагил, 1995. 311с.
7. *Ласс Д.И.* Современное студенчество (быт, половая жизнь). М., Л., 1928.